

СОБИРАТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Александр Пушкин

Борис Годунов

Научное предисловие
доктора исторических наук
Д.М. Володихина

Приложения
Путевые заметки Иоганна Брамбаха
и Томаса Смита

Труды Н.М. Карамзина
и В.О. Ключевского

Собиратели Земли Русской

Александр Пушкин

Борис Годунов

«Проспект»

1831

УДК 94(47)"16"
ББК 63.3(2)45

Пушкин А. С.

Борис Годунов / А. С. Пушкин — «Проспект»,
1831 — (Собиратели Земли Русской)

ISBN 978-5-39-240917-4

Читая историческую драму Александра Сергеевича Пушкина «Борис Годунов», следует видеть не один только литературный гений автора. Пушкин – плоть от плоти древней родовой знати русской. Для него восшествие Бориса Годунова на престол – это дело его сословия и, можно сказать, семейное дело. Пушкин пишет как потомок участников великой борьбы, относящейся ко временам правления Годунова. Произведение А.С. Пушкина дополняют путевые заметки немецкого посланника Иоганна Брамбаха и английского купца Томаса Смита, посетивших Россию в начале XVII века. Научная оценка личности и политики Бориса Годунова дана в трудах Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского. Издание сопровождается научным предисловием Д.М. Володихина. В тексте драмы приводятся тематические иллюстрации выдающегося художника Б.В. Зворыкина. Проект «Собиратели Земли Русской» реализуется Российским военно-историческим обществом при поддержке партии «Единая Россия».

УДК 94(47)"16"
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-39-240917-4

© Пушкин А. С., 1831
© Проспект, 1831

Содержание

Предисловие к серии	6
«Третий сорт» на царстве. Александр Сергеевич Пушкин о Борисе Годунове	7
Венчание на царство	8
Род и личность	20
Совесьть и злодеи	24
А.С. Пушкин	31
Кремлевские палаты	31
Красная площадь	36
Девичье поле. Новодевичий монастырь	39
Кремлевские палаты	41
Ночь	43
Палаты патриарха	50
Царские палаты	53
Корчма на литовской границе	57
Москва. Дом Шуйского	62
Царские палаты	66
Краков. Дом Вишневецкого	72
Замок воеводы Мнишка в Самборе	76
Ночь. Сад. Фонтан	79
Граница литовская	87
Царская Дума	90
Равнина близ Новгорода-Северского	95
Площадь перед собором в Москве	97
Севск	100
Лес	103
Москва. Царские палаты	105
Ставка	109
Лобное место	111
Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца	114
Приложения	117
Иоганн Брамбах	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Александр Сергеевич Пушкин

Борис Годунов

© Российское военно-историческое общество, 2022

© Оформление. ООО «Проспект», 2022

Предисловие к серии

Дорогой читатель!

Мы с Вами живем в стране, протянувшейся от Тихого океана до Балтийского моря, от льдов Арктики до субтропиков Черного моря. На этих необозримых пространствах текут полноводные реки, высятся горные хребты, широко раскинулись поля, степи, долины и тысячи километров бескрайнего моря тайги.

Это – Россия, самая большая страна на Земле, наша прекрасная Родина.

Выдающиеся руководители более чем тысячелетнего русского государства – великие князья, цари и императоры – будучи абсолютно разными по образу мышления и стилю правления, вошли в историю как «собиратели Земли Русской». И это не случайно. История России – это история собирания земель. Это не история завоеваний.

Родившись на открытых равнинных пространствах, русское государство не имело естественной географической защиты. Расширение его границ стало единственной возможностью сохранения и развития нашей цивилизации.

Русь издревле становилась объектом опустошающих вторжений. Бывали времена, когда значительные территории исторической России оказывались под властью чужеземных захватчиков.

Восстановление исторической справедливости, воссоединение в границах единой страны оставалось и по сей день остается нашей подлинной национальной идеей. Этой идеей были проникнуты и миллионы простых людей, и те, кто вершил политику государства. Это объединяло и продолжает объединять всех.

И, конечно, одного ума, прозорливости и воли правителей для формирования на протяжении многих веков русского государства как евразийской общности народов было недостаточно. Немалая заслуга в этом принадлежит нашим предкам – выдающимся государственным деятелям, офицерам, дипломатам, деятелям культуры, а также миллионам, сотням миллионов простых тружеников. Их стойкость, мужество, предприимчивость, личная инициатива и есть исторический фундамент, уникальный генетический код российского народа. Их самоотверженным трудом, силой духа и твердостью характера строились дороги и города, двигался научно-технический прогресс, развивалась культура, защищались от иноземных вторжений границы.

Многokrатно предпринимались попытки остановить рост русского государства, подчинить и разрушить его. Но наш народ во все времена умел собраться и дать отпор захватчикам. В народной памяти навсегда останутся Ледовое побоище и Куликовская битва, Полтава, Бородино и Сталинград – символы несокрушимого мужества наших воинов при защите своего Отечества.

Народная память хранит имена тех, кто своими ратными подвигами, трудами и походами расширял и защищал просторы родной земли. О них и рассказывает это многотомное издание.

В. Мединский, Б. Грызлов

«Третий сорт» на царстве. Александр Сергеевич Пушкин о Борисе Годунове

Историю царя Бориса Федоровича из рода Годуновых, преобразившуюся под пером Александра Сергеевича Пушкина в пьесу, нельзя воспринимать как одну лишь фантазию великого художника на историческую тему.

Это еще и размышление русского дворянина о судьбе русского дворянства и ноше русского государя. Притом размышление беспощадно правдивое.

Но прежде всего, в первую очередь, это колокол, звон которого бьет в сердца русских людей, взывая к христианскому чувству. Деяния персон, находящихся при власти, в том числе на вершине ее, могут быть темны, греховны. На высоте соблазнов много... Трудно не сбиться с пути спасительного, трудно не пасть. Однако в финале пути – не только отчаяние перед последним судом, но и надежда.

Венчание на царство

Вглядимся в 1598 год, ключевой в судьбе Бориса Федоровича Годунова да и всего семейства Годуновых. Царский шурин получил власть русского самодержца, основал новую династию, царствовавшую, правда, недолго – всего семь лет. Триумф! Как его личный, так и рода в целом, более того, обширной придворной «партии», ориентировавшейся на Годуновых.

Настроение триумфа с большой силой передано в пьесе Александра Сергеевича Пушкина. Борис Годунов истинно желает быть образцовым государем: справедливым, сильным, почитающим веру. Он внушает окружающим и себе самому, что в радостный день избрания на царство он берет на себя ответственность за всю страну с чистым сердцем, безмятежно, в полной уверенности в справедливости всего им совершаемого. В кремлевских палатах, обращаясь к патриарху и боярам, Борис Федорович возглашает:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспосли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Бояре

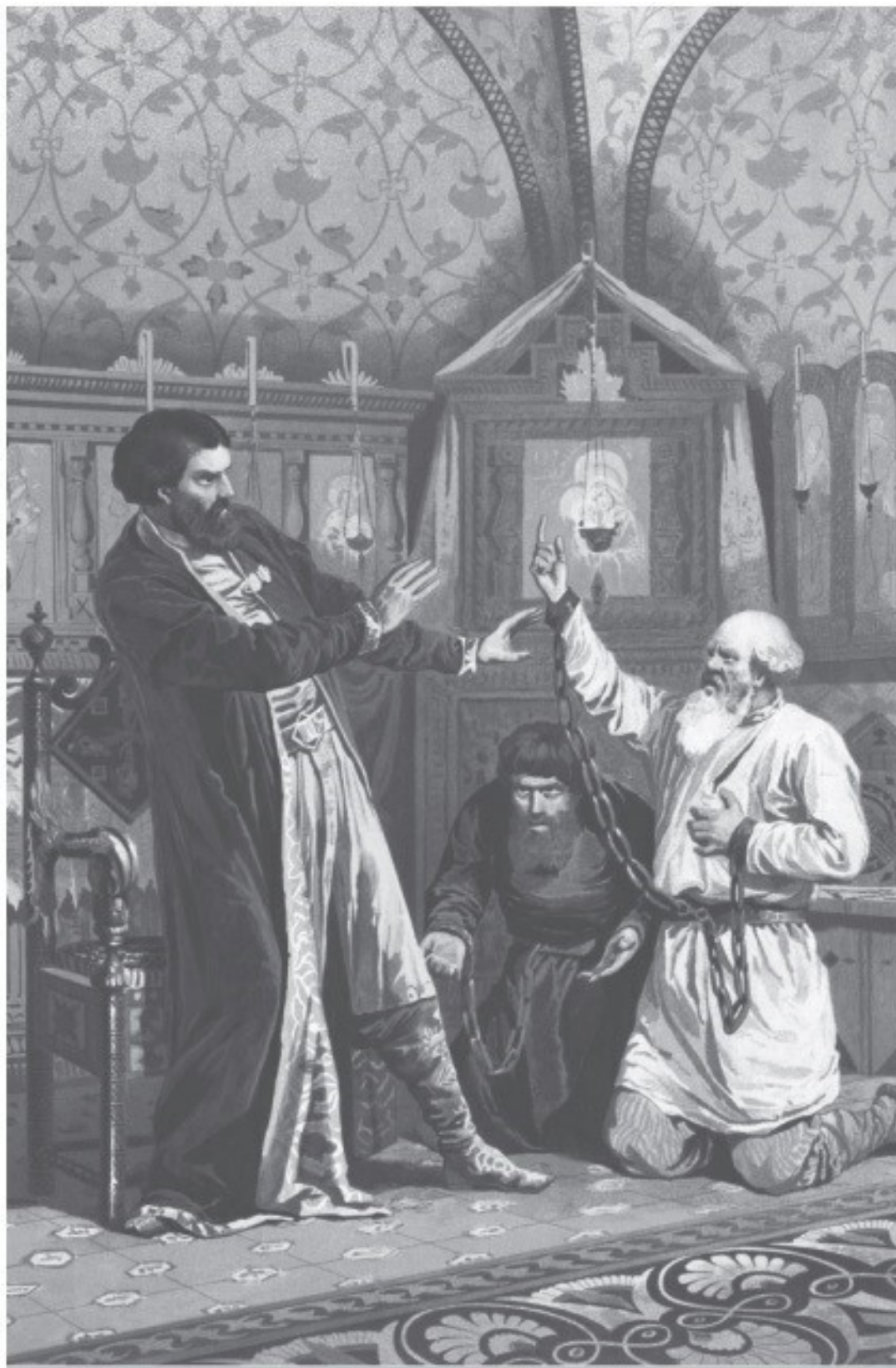
Не изменим присяге, нами данной.

Борис

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там – сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

И, казалось бы, ничто не предвещало общественной катастрофы, которая выйдет из этого дня, как офицер выходит из военного училища...

Но это лишь на первый взгляд.

Борис Годунов и кудесники, представляющие ему царствование.

А. Д. Кившенко. 1880.

Иллюстрация к изданию «Русская история в картинах»

Триумф – подделка, и с точки зрения общества, и с точки зрения законов небесных, данных людям свыше. Следует подчеркнуть: успех Годунова нес в сердцевине своей гнильцу не только по мнению Пушкина, но и в исторической действительности.

Венчание Бориса Федоровича на царство, очевидно, породило волну ненависти к нему, притом ненависти, переходившей и на всех его многочисленных кровных родственников, брачных свойственников, друзей, товарищей, «клиентов». «Новый летописец», памятник XVII века, сообщает об одном лишь примере подобного недоброжелательства: «Царствующего же града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского люди ото всех городов и весей собирали людей и посылали в Москву на избрание царское. Бояре же и воинство и все люди собирались к патриарху Иову и молили его, чтобы им избрать царя на царство. Патриарх же и все [духовные] власти, со всей землей посовествовавшись, порешили между собой посадить на Московское государство царя Федора Ивановича шурина – Бориса Федоровича Годунова, видя его при царе Федоре Ивановиче праведное и крепкое правление к земле, показавшее людям ласку великую. Они же чаяли от него и впредь милости, а не чаяли люди на себя от него гонения. И молили его многие люди, чтобы он сел на Московское государство; он же им отказывал, как бы не желая, сердце же его и мысль давно этого желали. Князья же Шуйские одни его не хотели на царство: познав его, что быть от него людям и себе гонению; они же от него потом многие беды и скорби и утеснение приняли».

«Временник» Ивана Тимофеева повествует об инсценировке «всемирного приглашения на царство», срежиссированной приближенными Бориса Федоровича: тот изначально с большим притворством отказывался от трона, заставляя толпы специально собранных людей приглашать его вновь и вновь: «Притворно разыграв перед множеством народа свое нежелание, он заставил поверить себе менее сведущих, но не остальных, которые в понимании <происходящего> были выше и этих ловчих сетей его обмана. Но что принесло это понимание? Хотя и поняли, но не смогли предотвратить то, что хотел попустить Бог, ибо Бог позволил этому совершиться для предостережения в будущем тех, кто захочет действовать так же».

«Спектакль», как можно убедиться, *понимающими людьми*, т. е. той же аристократией, встречен был с разными оттенками терпения или же нетерпимости, но весть этот спектр эмоций, безусловно, подсвечивался недоброжелательством.

Причина ненависти – вовсе не в личных качествах нового царя. И подавно не в отсутствии у него способностей к управлению державой. Примерно с 1586 года, т. е. с того момента, когда потерпели поражение и были фактически разогнаны две иные придворные партии – худородных выдвиженцев Ивана Грозного и знатнейшей княжеской верхушки – Годунов оказывается в роли своего рода «премьер-министра» при государе Федоре Ивановиче. И пока святой блаженный царь царствует, его шурин отлично играет роль главного администратора в Московском государстве. Двенадцать лет – заметим, срок достаточно долгий! – проявляет он свои способности в делах большой политики. Царство процветает. Только военное дело не дается Борису Федоровичу, хотя он и являет порой мечтание о лаврах полководца. Тактика – не его. В остальных действиях он разумен, энергичен, осторожен, да, можно сказать, талантлив. На политическом поприще он как рыба в воде.

Но обретение Шапки Мономаха «главным администратором» не имело никакой санкции со стороны ушедшего в могилу государя Федора Ивановича. Легитимация власти Годунова происходила от, перефразируя Ивана Грозного, «многомятежного человеческого хотения» (Земский собор) и, что намного важнее, от одобрения со стороны Церкви.

А в стране, где родовое начало еще сильно, подобной легитимации... как бы правильно выразиться? Наверное, просто не хватило. Она оказалась слабовата. Годунов повел себя как революционер в традиционном обществе. Соответственно, общество (вернее, его политическая элита) оказалось настроено против него.

Получение царской власти Борисом Годуновым не только необычно для Руси: да, Москва доселе не знала подобного способа престолонаследия, но из хронографов было известно, что в Константинопольской империи нечто схожее случалось. Тут дело в другом. К тому времени, когда клан Годуновых поднялся высоко, а его глава дерзнул протянуть руку к Шапке Мономаха, в России выстроилась лестница местнических «счетов». Она позволяла с высокой точностью определить степень знатности как целого рода, так и отдельного его представителя. Первостепенную роль играло вовсе не родословие, как может показаться, а занятие выходцами из прежних поколений рода более или менее высоких должностей на службе у московских государей.

Был ли знатен, если судить по местнической иерархии XVI столетия, род Годуновых? И да, и нет одновременно. Годуновы входили в число аристократических родов, получавших ключевые назначения в воеводском корпусе, на гражданской службе, при дворе и в Боярской думе. Но таких родов ко второй половине века существовало 60–90. И эти семейства, в свою очередь, могут быть разделены по «сортам».

К «высшему сорту» относились рода, представители которых имели право получить боярский чин, минуя окольниковский, в армии занимали посты воевод в полках и самостоятельных полевых соединениях, сидели наместниками в Новгороде, Пскове, Смоленске и Казани, а также возглавляли высшие придворные ведомства. Их представители всегда сидели в Боярской думе.

Среди Рюриковичей таковы, например, князья Шуйские (своего рода «принцы крови» Московского царства), Ногтевы, Микулинские, Палецкие, Пронские, Воротынские, а порой некоторые князья Ростовского дома Рюриковичей. Среди Гедиминовичей (потомки литовского князя Гедимина на московской службе) таковы князья Бельские, Мстиславские, Голицыны, Щенятевы, Трубецкие. В названную «обойму» входили также представители нетитулованных родов старомосковской боярской знати: Морозовы, Романовы (Захарьины-Юрьевы), Шереметевы. Особняком стоят князья Глинские – знатные выходцы из русско-литовской магнатории. Но Глинские тоже – на верхнем этаже пирамиды знатности.

Чуть ниже, «вторым сортом» шли князья Куракины, Сицкие, Татевы, а из нетитулованной знати – Головины, Сабуровы, Салтыковы, Шеины. Эти, попадая в Боярскую думу, получали чин окольничего и лишь потом, по прошествии изрядного периода, могли возвыситься до положения бояр.

Боярская дума XVI–XVII вв.

С. В. Иванов. 1907. Местонахождение неизвестно

«Третий сорт» выше окольных не поднимался или попадал в бояре за великие заслуги, путем удачной матримониальной комбинации, словом, в виде исключения. Притом княжеский титул ничуть не спасал от «захудания». А рода захудалые, будь они хоть трижды Рюриковичами, на пребывание в Боярской думе или же на ключевых постах в армии рассчитывать не могли. Князья Пожарские, например, или, скажем, князья Болховские, чистокровные Рюриковичи, оказались ниже уровня аристократии, даже ее «третьего сорта».

Где, на какой ступеньке невидимой, но четко осознаваемой всеми аристократическими семействами иерархии находились Годуновы? Не в первой десятке родов и не в первой двадцатке. Хорошо, если в первой полусотне. Еще в середине XVI столетия они шли «третьим сортом»: в армии и на придворной службе их еще иногда можно заметить, а вот до Боярской думы Годуновы «дотягивались» разве что в виде исключения (и ниже будет рассказано, что это за исключение). Старшая ветвь их рода, Сабуровы, стояли намного выше и, очевидно, могли «протезировать» уступавшую им в знатности родню. Ниже — еще две ветви того же рода: Вельяминовы и Пильмовы, коих могли «протезировать» уже и сами Годуновы.

Положение Годуновых при дворе резко улучшилось благодаря двум бракам: сначала царевич Иван женился на Евдокии Сабуровой, и с ним семейство установило добрые отношения, сохранившиеся даже после того, как он развелся; затем царевич Федор стал мужем Ирины Годуновой.

Для Годуновых истинным «прорывом» стал брак Ирины Федоровны, сестры будущего царя Бориса, и Федора, сына Ивана Грозного.

Именно царь Иван выбрал невесту для сына. И выбор его должен был продемонстрировать отпрыску методы игры на матримониальном поле: дав царевичу в жены Ирину Годунову,

он закрепил за ним небольшой, но крепкий клан надежных союзников. Годуновы, как уже говорилось выше, относились к числу старинных московских боярских родов, приходились родней влиятельным Сабуровым, но сами по себе, помимо милости государя Ивана Васильевича, значили не столь уж много. Они даже среди семейств московской нетитулованной знати стояли не в первом ряду по родовитости, богатству, влиянию на «дворовые» дела. Те же Захарьины-Юрьевы, Шереметевы, Морозовы, Головины, Колычевы-Умные, Бутурлины превосходили их. О высокородной титулованной аристократии и речь не идет. Но по благоволению царя Годуновы поднялись выше того, что давала им кровь, выше того, что предназначалось им по рождению. Теперь их будущее оказалось накрепко связано с будущим царского сына. Поддержат, будут верны, станут «прямить», как говорили в XVI столетии, так и самих ждет судьба высокая. Ну а если срежутся в чем-то, сфальшивят... о, тогда их ждет падение с большой высоты. Иван Васильевич рассуждал прежде всего как политик. И, вероятно, политическому подходу пытался научить сына. А тот, женившись, безмятежно привязался к супруге. Вся отцовская «политика» отлетела от него напрочь. Другое дело, что отец все-таки *пытался* встроить сына в шахматную партию политической борьбы, даруя ему Годуновых как *свиту*.

Точная дата женитьбы царевича науке не известна. Скорее всего, она приходится на первую половину – середину 1570-х годов. И вскоре после нее несколько Годуновых получают от царя Ивана IV чины окольничих. Первым – Дмитрий Иванович Годунов, дядя Бориса Федоровича.

Когда муж Ирины Годуновой сделается царем, и особенно позднее, когда на трон взойдет сам Борис Федорович, на Годуновых и Сабуровых прольется дождь из назначений на высокие посты: места в Боярской думе, при дворе, в армии... Вот уже несколько Годуновых в боярах! Но нельзя забывать: до этого поистине звездного брака Годуновы даже в воеводах редко бывали, а не то что в окольничих и боярах.

Итог: аристократ третьего сорта, возвысивший свою родню, но не способный, по законам божеским и человеческим, улучшить ее кровь, дать ей более высокое происхождение, в 1598 году Борис Годунов «обошел» несколько десятков более знатных родов. Можно быть уверенным: задолго до мятежа Самозванца, да с самого начала царствования, подданные-аристократы из обойденных родов задавались вопросом: «Почему на престоле он, а не я?» И не находили внятного ответа. Точнее, кто-то смирялся, сказав себе: «Такого уж царя Бог дал». Кто-то ярился в тишине, нимало не бунтуя: «За ним сила, надо терпеть». А кто-то, надо полагать, строил планы: «Только ошибись в чем-нибудь серьезном, только открой уязвимое место – и получишь туда шильце, а потом рассудим, кому царствовать на Руси после тебя».

Резюмируя: воцарение не-высокородного Годунова несло в себе чудовищный соблазн. И этот соблазн тревожил гордыню десятков влиятельных персон.

В некоторых, особо опасных случаях, он подпитывался дополнительными обстоятельствами генеалогического характера.

Проблема ведь не только в том, что человек 40–50 русских аристократов были знатнее Годунова. Проблема еще и в том, что у некоторых из них имелись предпочтительные права на русский престол.

Для того, чтобы раскрыть суть этой угрозы – а для Годуновых чужие права на трон составляли именно угрозу, притом смертельно опасную – стоит привести несколько примеров.

Кто такие, например, князья Мстиславские? Они ведь не только Гедиминовичи, они еще, по женской линии, родная кровь и наследники по прямой великого князя московского Ивана III.

А Гедиминовичи-Голицыны точно так же, по женской линии, восходили по прямой еще и к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского.

Князья Шуйские – выходцы из Суздальско-Нижегородского дома Рюриковичей, прямые потомки великого князя Владимирского Всеволода Большое гнездо. Их менее отдаленные

предки занимали великокняжеский стол государя Владимирского в XIV столетии, вплоть до 1360-х годов. Соперничали с Москвой за власть над Русью в правление Дмитрия Донского.

У князей Ростовских тот же общий предок, Всеволод Большое Гнездо, притом они происходят от старшей линии его потомства, а московские Рюриковичи – от одной из младших. В 1216–1218 годах основатель Ростовского дома Рюриковичей, князь Константин Всеволодович Добрый, правил Русью из Владимира.

Бояре Романовы, они же Захарьины-Юрьевы, – брачные свойственники Ивана Грозного. Их общий предок Никита Романович приходился первой жене царя Ивана, Анастасии, родным братом. И дядей – царю Федору Ивановичу.

А князья Черкасские – родня второй жены Ивана Грозного, Марии-Кученей, да еще, по понятиям того времени, люди «царской крови», поскольку происходили от одного из правителей Северного Кавказа.

Достаточно? А список далеко не полон.

Парсуна с изображением Бориса Годунова.

Кон. XVII в. Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»

Все перечисленные аристократические семейства имели права на русский престол. У всех они как минимум сравнимы с правами Бориса Годунова, а у большинства они явно приоритетнее.

И можно быть уверенным на все сто процентов – о своих правах никто не забыл. Это для современного человека генеалогия пребывает на третьем плане повседневности, а для личности из русского Средневековья, особенно же для личности, представляющей «великий род», вопросы крови всегда актуальны.

В 1606 году, после падения Годуновых и Самозванца, Василий Шуйский займет престол абсолютно законно – *по праву крови*. А в 1613 году Мстиславские, Романовы, Черкасские, Голицыны будут претендовать на престол. А вместе с ними – люди, далеко не имеющие таких прав, но уже по праву высокой знатности вошедшие в круг претендентов, – Шереметевы, Трубецкие.

Можно ли хоть на мгновение, хотя бы чисто теоретически допустить идею, что несколькими годами ранее, а именно в 1598-м, все они, абсолютно все, до одного, не примерили на себя мысленно вожденную Шапку Мономаха? Нет, нет, анекдот, в такое нельзя поверить.

И все они, соответственно, превратились в одну общую живую угрозу свержения для Годуновых. Те, соответственно, жестоко расправились с Романовыми, давили Голицыных, без конца отдавая предпочтение их соперникам в местнических тяжбах, не допускали князей Ростовского дома к высоким постам. А Шуйским и Мстиславским досталось «превентивно»: их разгромили еще в 1580-х.

Александр Сергеевич Пушкин с блистательной точностью показал все пересуды тайные, возникшие в связи с возведением на царство Бориса Годунова. У него князя Шуйский и Воротынский, беседуя, в нескольких репликах выдают полную гамму чувств, охвативших высшую аристократию:

Шуйский:

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский:

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский:

Да, кажется.

Воротынский:

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский:

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский:

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский:

Да, боле,
Чем Годунов.

Воротынский:

Ведь в самом деле!

Шуйский:

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Надобно помнить: Пушкин не только классик русской литературы, не только поэт, писатель, драматург. Он еще и представитель древнего рода. Во времена Годунова, до его всевластия и позднее Пушкины высоко летали. Бывали в воеводах, бывали и в боярах. По знатности

они сравнимы с Годуновыми, если не выше. И для Александра Сергеевича все это – родное, понятное. Для него та занимательная генеалогия, которая приведена выше, – нечто, растворенное в крови. Он ведь тоже из высокородных, и ему вняты игры борьбы за власть у подножия престола, – вняты в гораздо большей степени, нежели для какого-нибудь разночинца, духовной особы, купца или крестьянина. Поэтому Пушкин *чувствует* и выводит на арену даже то, что не занимает Карамзина, то, чего у Карамзина нет. Недаром он и одного из предков своих выводит на сцену, словно бы показывая: мы, Пушкины, имеем право судить, ибо к великим делам Царства причастны, хоть и ходили порой кривыми дорогами.

Каковы сплетни, занимавшие умы знатнейших людей в 1598 году? А вот они: «Борис Годунов – вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач». Что тут правда? Татарин? Родословная легенда Годуновых, выводившая их из ордынской знати, всего вернее, выдумка. Да и была бы она правдой, за множество поколений Годуновы успели бы обрусеть так, что ничего татарского в них не осталось бы. Вчерашний раб? Годуновы, следует напомнить, боярского рода люди, никакого рабства они не знали. Но еще четверть века назад их семейство при дворе было малозаметно. Для Шуйских и Воротынских, как и для прочих великих родов, Годуновы того времени – невесть кто, полезные создания вроде псов или коней. Возвысились... быстро. И вот клеймо: «Вчерашний раб!» Оба говорящих знают, что *это не так*, оба чувствуют, что *с их точки зрения*, с высоты их крови, *это так*, а Пушкин подает игру слов не как преувеличение, а как часть беседы *понимающих людей*. Вчерашний раб – это, используя современную лексику, парвенюшка. Какой там был Годунов «в душе палач» – один Бог знает. Исторические источники не доносят сколько-нибудь внятных известий о его зверствах в опричнине. Но для *понимающих людей* все и без того ясно: побывал внутри опричной затеи государя Ивана Васильевича, постоял рядом, когда летела во все стороны кровь знатнейших людей Царства, так, значит, замарался, а замаравшись, в какой-то мере перенял свирепый опричный обычай, принял его в душу свою.

Ведущий мотив совершенно таков, каким он и должен был быть в исторической реальности: отторжение. Психологически, социально, культурно Пушкин невероятно точен. Изрыгая ложь про «татарина», «палача в душе» и «вчерашнего раба», русские аристократы, с одной стороны, понимают: да, все это чушь, ложь; а с другой стороны, они понимают с еще большей силой сокрытую, внутреннюю правду своей лжи – нельзя парвенюшке на царство, держава зашатается!

Портрет Лжедмитрия I.

Симон Богушович. Ок. 1606 г. Государственный исторический музей

Еще раз: аристократ «третьего сорта», усевшись на престоле русских царей, взял то, что не ему принадлежало и не для него предназначалось. Естественно, он наполнил политическую элиту страны настроениями вражды и ненависти. Когда явился Самозванец, царские воеводы, по отзывам иностранцев, воевали против него так, словно у них «нет рук, чтобы биться». Нетрудно их понять: сражались за... не вполне настоящего царя против «царя», который, если не приглядываться, мог показаться настоящим.

А царский сын Федор, не столь ловкий интриган и не столь одаренный политик, как его родитель, допустил после смерти отца кое-какие «незначительные» ошибки по части кадрового подбора. И вскоре Федора Борисовича с ближайшей родней убили.

1605 год закрыл историю царской династии Годуновых.

Но соблазн «почему не я на царстве?!» остался. И он терзал нашу богоспасаемую страну еще много лет. Пока народ не осознал: «Мы поставим царем того, кто меньше всех замаран, и убьем того, кто попытается вновь поднять знамя смуты. Ради Бога, да будем тверды и неколебимы, да будет порядок, да будут честь, совесть и верная служба!» Тогда все закончилось.

Соблазн этот выкорчевали огнем и железом. Уничтожили его, как старую, то и дело воспалющуюся болячку Русской цивилизации. Слишком много в устройстве Государства российского было родового, слишком мало служилого, регулярного, государственного. Амбицию

родовой аристократии следовало кастрировать. Но какой ценой? Дал Бог России почувствовать всю греховность ее политической элиты, дал урок по домостроительству своему. Горек урок, но хватило его на целое столетие.

Род и личность

Выше говорилось о том, что триумф венчания на царство Бориса Годунова – подделка не только с позиций законов человеческих. Подделка он и с точки зрения христианской веры.

И если первое представлено Александром Сергеевичем с необыкновенной проницательностью, с чувством дворянина пишущего о дворянине, с чувством причастности к истории, как к чему-то живому и непрерывному, то второе... второе заставляет кланяться его гению.

Самое время поставить друг против друга две правды: правду родовитого дворянина и, при всех озорствах, верующего христианина, против правды дерзкого разночинца с бурлящим свободомыслием в голове. Итак, Виссарион Григорьевич Белинский обругал пушкинского «Бориса Годунова». Но брань его чудесным образом составила плодородную почву, на которой легко взрастить и предъявить с большей силой, большей яркостью древо поклонения пушкинскому величию.

Если бы не было Белинского, этого жаркого критика «Бориса Годунова», следовало бы его придумать.

Виссарион Григорьевич напал на Пушкина по двум основным позициям. Что ж, приведем обширный отрывок из его критики на «Бориса Годунова», являющий первую претензию Белинского:

«Прежде всего, скажем, что «Борис Годунов» Пушкина – совсем не драма, а разве эпическая поэма в разговорной форме. Действующие лица, вообще слабо очеркнутые, только говорят и местами говорят превосходно; но они не живут, не действуют. Слышите слова, часто исполненные высокой поэзии, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни действий. Это один из первых и главных недостатков драмы Пушкина; но этот недостаток не вина поэта: его причина – в русской истории, из которой поэт заимствовал содержание своей драмы. Русская история до Петра Великого тем и отличается от истории западноевропейских государств, что в ней преобладает чисто эпический, или, скорее, *квизетический* характер, тогда как в тех преобладает характер чисто драматический. До Петра Великого в России развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаков развития личного: а может ли существовать драма без сильного развития индивидуальностей и личностей? Что составляет содержание шекспировских драматических хроник? Борьба личностей, которые стремятся к власти и оспаривают ее друг у друга. Это бывало и у нас: весь удельный период есть не что иное, как ожесточенная борьба за великокняжеский и за удельные престолы; в период Московского царства мы видим сряду трех претендентов такого рода, но все-таки не видим никакого драматического движения. В период уделов один князь свергал другого и овладевал его уделом, потом, побежденный им, снова уступал ему его владение, потом опять захватывал его; но в уделе от этого ровно ничего не изменялось: переменились лица, а ход и сущность дел оставались те же, потому что ни одно новое лицо не приносило с собою никакой новой идеи, никакого нового принципа». И далее: «Иоанн III обнаружил в этом деле гениальную односторонность, переходившую почти в ограниченность, твердую волю, силу характера; он постоянно стремился к одной цели, действовал неослабно, но не боролся, потому что не встретил никакого действительного и энергического сопротивления. Дело обошлось без борьбы, и, таким образом, одно из самых драматических событий древней русской истории совершилось без всякого драматизма. Драматизм, как поэтический элемент жизни, заключается в столкновении и сшибке (коллизии) противоположно и враждебно направленных друг против друга идей, которые проявляются как страсть, как пафос. Идея самодержавного единства Московского царства, в лице Иоанна III торжествующая над умирающею удельною системою, встретила в своем безусловно победоносном шествии не противников сильных и ожесточенных, на все готовых, а разве несколько бессильных и жалких жертв. Роды удельных князей, потомков Рюрика, скоро выродились в

простую боярщину, которая перед престолом была покорна наравне с народом, но которая стала между престолом и народом не как посредник, а как непроницаемая ограда, разделившая царя с народом. Разрядные книги служат неоспоримым доказательством, что в древней России *личность* никогда и ничего не значила, но все значил *род*, и торжество боярина было торжеством целого рода боярского. Таким образом, удельная борьба княжеских родов переродилась в дворскую борьбу боярских родов. Но эта борьба не представляет никакого содержания для драматического поэта, потому что при дворе московском один род торжествовал над другим в милости царской, но ни один из торжествующих родов не вносил ни в думу, ни в администрацию никакой новой идеи, никакого нового принципа, никакого нового элемента».

Плоха Белинскому русская история! Вот беда...

Кабы Виссарион Григорьевич действительно знал ее так, как пытается показать, кабы он говорил добросовестно, а не все подчиняя своей идее, сминая и корежа факты, руша истину ради концепции, честь бы ему и слава. Но он всего лишь публицист-полужайка с блистательным чувством литературного языка и ничтожным чувством исторического процесса.

Проблема далеко не только в том, что Белинский, западник из западников, хулит русскую историю, априорно ставя ее ниже западноевропейской. Если б только это, говорить было бы не о чем. Другое хуже: он с наслаждением выкручивает русской истории руки, ломает ей ребра и «отсекает лишнее», если это «лишнее» не укладывается в его личную прокрустовщину.

Что ж, сыграем по правилам самого Виссариона Григорьевича. Поработаем на его поле.

Главная ошибка, а вернее, подтасовка Белинского состоит в том, что до Петра I в России якобы не развивается индивидуальное начало, совершенно подавленное началом родовым. Виссарион Григорьевич не видит (не хочет видеть) никаких «признаков личного», ибо, по его собственным словам, даже ожесточенная борьба за власть не ознаменована внесением участников ее «новой идеи... нового принципа... нового элемента». Конечно же, родовое начало получило в России мощное развитие: до Петра I оно не господствовало, поскольку основу его, местничество, отменил еще царь Федор Алексеевич, но вообще отрицать его силу невозможно. Однако... сказать, что оно вчистую задушило начало личное, уничтожало всякую возможность персоне, даже и представляющей какой-либо могущественный род, высказать собственную программу, собственную идею относительно устройства русского социума, это даже не преувеличение, это слепота. Притом слепота, думается, намеренная.

Надо очень постараться, чтобы не заметить князя Андрея Курбского, просвещенного аристократа, сделавшегося перебежчиком. Его предательство подчинено идее особых прав и привилегий родовой знати, нарушенных царем, что дало изменнику почву для самооправдания и даже прокламирования особой правды «великих людей во Израиле».

Трудно пойти мимо Заруцкого с его маниакальной идеей казачьей вольницы, разбившейся о державное чувство русского народа на финальном этапе Смуты.

Фантастически тяжело пройти мимо князя Мстиславского, который сформировал в 1610 году семибоярщину и стал во главе нее, желая для русской знати положения магнатории в Речи Посполитой. Сильная была идея! Ради нее князь пошел на то, чтобы впустить в Кремль польско-литовский гарнизон.

Ясно, что Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо, принесшие на Русь идею византийского единодержавия и строго проводивших ее в хаосе междоусобных войн, – не герои для Белинского.

А Дмитрий Донской, вынесший идею сопротивления Орде из опыта предыдущих поколений – опять не тот человек. Не той, разумеется, системы его идея.

Наконец, князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царевны Софьи, вроде бы явный носитель идеи великого союза с католическими державами и уступок папскому престолу в России. Зря старался, и его «прошли», не увидев.

Но уж Ивана-то Грозного Виссарион Григорьевич мог бы заметить – с его, весьма нетривиальной по тем временам идеей опричнины как инструмента для замены родового начала на государственное... Что ж, и тут «ничего нового», если судить по грозному пафосу Белинского.

Всех этих личностей, с их идеями, как и многих других, не менее своеобразных, Виссарион Григорьевич умудрился не заметить. Надо было очень постараться, но у него все получилось.

Даже в том случае, когда новая идея очевидна – а именно создание из разрозненных русских земель единого Московского государства при Иване III, Белинский, не умея обойти препятствие тонко, простовато лукавит, словно продавец подтухшего товара на рынке. Белинскому приходится отрицать очевидное, и он готов отрицать очевидное. Иван III, видите ли, «не встретил никакого действительного и энергического сопротивления». Дело создания России, по Белинскому, «обошлось без борьбы». То-то удивился бы государь Иван, давший четыре больших сражения Новгородской республике, осаждавший Тверь, дравшийся с Литвой за русские города и рисковавший всей державой своей, а заодно и родным сыном-воеводой, когда выставлял полки на Угру против хана Ахмата, что всю его титаническую борьбу критик из XIX века поставил ни во что.

Иоанн III свергает татарское иго, разрывает ханскую грамоту и приказывает умертвить послов.

Н. С. Шустов. 1862. Сумской художественный музей им. Н. Х. Онацкого

То-то удивилась бы «боярщина», виднейшие представители которой то бегали за литовский рубеж, то составляли «Избранную раду», желая потеснить власть самодержца, что ей инкриминировали покорность...

Не стоит даже упоминать о таких мелочах, как «разрядные книги», по которым якобы видно, что «в древней России *личность* никогда и ничего не значила». Разрядные книги вообще ничего не говорят на сей счет, это просто списки назначений на высокие должности, делопроизводство XVI–XVII веков. Этак можно и на основе современных зарплатных ведомостей рассуждать о наличии или отсутствии в России Третьего Рима. Или по билету в кино выводить теорию о наступлении новой цивилизационной стадии в России.

Впрочем, Белинский – образованный человек, все-таки учился в Московском императорском университете. Так что нет оснований говорить о его безграмотности в вопросах истории. Нет, Виссарион Григорьевич осознанно искажает историю своей страны, он намеренно энергичен в роли Прокруста.

Историческая правда состоит в том, что при сильнейшем развитии родового начала и на Руси, и, позднее, в России индивидуальное начало также получило глубокое, сильное выражение. Средневековая Россия была богата социальными идеями и яркими личностями.

Так что мнение Белинского, утверждавшего прямо противоположное, мягко говоря, плод его личной фантазии.

Совесьть и злодеи

А вот вторая претензия Белинского к «Борису Годунову». Она имеет составной характер и отчасти относится к Пушкину, отчасти же к материалу, на основе которого Александр Сергеевич творил пьесу, а именно «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Послушаем же критика: «Поэту необходимо было самостоятельно проникнуть в тайну личности Годунова и поэтическим инстинктом разгадать тайну его исторического значения, не увлекаясь никаким авторитетом, никаким влиянием. Но Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, – и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя из нее сделать!...»

У Карамзина Борис Годунов – злодей, который, без сомнений, стубил отрока Дмитрия – брата царя Федора Ивановича – в Угличе, в 1591 году, руками подосланных мерзавцев. И тот же Годунов, позднее, во всем сиянии своей власти и своего таланта к державным делам, «... должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда небесного». По Карамзину, своего рода предзнаменованиями грядущих бедствий стали «внутреннее беспокойство Борисова сердца и разные бедственные случаи, коим он еще усиленно противоборствовал твердостью духа, чтобы вдруг оказать себя слабым и как бы беспомощным в последнем явлении своей судьбы...» А под этим самым «последним явлением судьбы» надо понимать вторжение самозванца и тяжелая война с ним. В то же время, Борис Федорович у Карамзина вовсе не кается в содеянном злодеянии. Но в молчании источников историк милосердно допускает *возможность покаяния* – стоя одной ногой в гробу, чувствуя скорую кончину, Годунов как бы окидывает мутнеющим взором свои владения и видит: «Пред ним трон, венец и могила, супруга, дети, ближние, уже обреченные жертвы судьбы; рабы неблагодарные уже с готовою изменою в сердце; пред ним и святое знамение христианства: образ Того, Кто не отвергнет, может быть, и позднего раскаяния».

Белинский сомневается в суде Карамзина: действительно ли Годунов виновен в угличском убийстве? При всем уме этого деятеля, преступление совершенно топорно, гнусно, глупо. Вот и винит Белинский Карамзина в небеспристрастности: да не могло ли быть так, что Годунову труп мальчика «подарили» его лизоблюды-доброжелатели?! Ужели такой разумный человек не совершил бы зверства осмотрительнее, в полном разуме и расчете? Определенно, не он, – сомневается Белинский, – определенно, виновны лица, искавшие его расположения или же просто без меры преданные ему.

Царевич Дмитрий.

М. В. Нестеров. 1899. Государственный Русский музей

Наука ответить на эти укоризны может лишь с величайшей осторожностью. По сию пору специалисты делятся на тех, кто уверен, как и Карамзин, в убийстве, подстроенном Борисом Годуновым; тех, кто видит в смерти царевича несчастный случай; тех, кто согласен с Белинским и допускает организацию убийства некими доброжелателями Бориса Федоровича. Так, например, с подачи доктора исторических наук Н. С. Борисова, в сериал «Годунов» пришла версия о причастности к смерти Дмитрия Углицкого жены Бориса Федоровича. А ваш покорный слуга предположил в книге «Царь Федор Иванович», что за убийством стоит дядя Бориса Годунова, боярин Дмитрий Годунов.

Карамзин высказал свою версию и держался ее твердо, поскольку основанием для нее служат многочисленные показания источников. Иначе говоря, эта версия до сих пор «почтенная», можно сказать, основная, что бы ни говорил Белинский и каких бы гипотез ни строил

автор этих строк. Но, допустим, Карамзин неправ. Отчего же Пушкин должен был сам, без опоры на труды столь блистательного историка, как Карамзин, «проникнуть в тайну личности Годунова»? Да вовсе не потому, что теория Карамзина насчет угличского злодеяния не единственно возможная, а потому, думается, что гений Пушкина взлетел с аэродрома Карамзина не туда, куда хотелось бы Белинскому.

Виссариону Григорьевичу страшно не нравится «злодей, которого мучает совесть». Он бы предпочел другого злодея.

Ах, видите ли, как «избито»!

«Трагическое лицо – пишет Белинский, – непременно должно возбуждать к себе участие. Сам Ричард III – это чудовище злодейства, возбуждает к себе участие исполинскою мощью духа. Как злодей, Борис не возбуждает к себе никакого участия, потому что он – злодей мелкий, малодушный; но, как человек замечательный, так сказать, увлеченный судьбою взять роль не по себе, он очень и очень возбуждает к себе участие: видишь необходимость его падения и все-таки жалеешь о нем...» И далее, еще откровеннее: «Какая бедная мысль – заставить злодея читать самому себе мораль, вместо того чтоб заставить его всеми мерами оправдывать свое злодейство в собственных глазах! На этот раз историк сыграл с поэтом плохую шутку...»

Вот она, квинтэссенция высказывания Белинского; она-то и разделяет его с Пушкиным и Карамзиным. Слава Богу, что разделяет! Александр Сергеевич и Николай Михайлович справедливо стоят в русской культуре на пьедесталах неизмеримо более высоких, нежели Виссарион Григорьевич.

Все это желание видеть «кипучие страсти», неподвластные вере, представляющие собой бунт не только против нравственности, но и, по большому счету, против Бога, а потому создающие впечатление «исполинской мощи духа», – такой ужасающий, пошлый, унылый, примитивный провинциализм! Как будто актер детского театра из глубинки выходит на арену во «взрослом» спектакле, пытается играть серьезного драматического персонажа, и вдруг, чтобы придать себе значительности, заливается «мефистофелевским» смехом. Зал сначала молчит, пораженный его идиотизмом, потом заливается смехом – самым простым и искренним, а не мефистофелевским – в ответ. А напоследок кто-нибудь еще добавляет: «Хо-хо-хо», – совершенно как Санта Клаус, мол, Санта Клаус тут столь же уместен.

Супермегазлодей – это ведь шаблон, пропись, фигура из бондианы или какого-нибудь марвеловского комикса. У Шекспира он мог быть хорош и уместен, а прочее – перепевы Шекспира, «избитые» уже ко времени Виссариона Григорьевича намного более, чем «скучная» мораль.

Какая в безудержном, оправдывающем себя, концентрированном злодействе «исполинская сила духа»? Ричард III у Шекспира – храбрый подлец, сочувствовать ему можно лишь в одном: умен и смел, но ведь до какой степени ущербная личность! Жаль, жаль. Если есть иное сочувствие, то это либо, как у Белинского, глубокий, любующийся собой провинциализм, либо душевное нездоровье.

Пушкин же какое-то время действительно двигается в канве Карамзина. Заготовлены у него приметы карамзинского «внутреннего беспокойства Борисова сердца». Таков знаменитый монолог царя о тщетности собственных достижений: гордыня привела его на трон, а совесть уничтожает плоды деятельной гордыни...

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попечение:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветой. —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

«Мальчики кровавые в глазах» – это ли избито?! Да это один из глубинных кодов всей русской культуры, фраза на века!

Совесть отрицает благие плоды злодейства, а совестью двигает образ Божий, которым наделен человек от Сотворения мира. И православное общество видит, чувствует это, живет

этим. Гениальные Карамзин и Пушкин, при всем своем вольномыслии в молодые годы, – истинные христиане, притом глубоко верующие. Их души пронизаны знанием: восседает Бог над людской суетой, суд Его неотвратим, гнев Его ужасен, любовь Его безгранична. И каждый босяк с верой в душе и крестиком на груди совершенно так же, как Карамзин и Пушкин, знает это, живи он хоть «на задворках великой империи», там, «где рельсы вылезают из кармана страны».

А Виссарион Григорьевич сего не знает, вернее, знать не хочет, ему милее картонные короны безбожия и безнравственности.

Глубинно русский, глубинно народный, если угодно, краеугольно-национальный сюжет нашей литературы, наших песен, нашего искусства в целом – кающийся разбойник, бегущий от грехов своих в монастырь. То же самое: невинная девушка, идущая в монастырь, под защиту Бога, если надо ей не совершить греха, но и брака нежеланного избежать. Борису Годунову идти в монастырь поздно. Он царь. В 1605 году он на пороге смерти. Что ему осталось, злодею, венценосному разбойнику, в начале дороги, ведущей к небесному судилищу? Наставить сына (зная в сущности, что убереечь его он уже не в состоянии), а пуще вверить его Господу: «Бог велик! Он умудряет юность, Он слабости дарует силу...»; а потом все-таки покаяться, все-таки просить прощения за грехи, пусть и кратко, пусть и с оговорками, да и уйти в монахи:

Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!
Сейчас явлюсь перед тобой – и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен...

Царь мечется, царь тщетно ищет спасения сыну, а не себе. Хотел бы покаяния, да времени нет. Но хотя бы совершается работа души, и совесть внушает Борису Федоровичу: он грешен, ему нужно покаяние.

И в финале он все-таки принимает постриг, объявляя (последняя реплика царя во всей пьесе):

Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приблизься, я готов.
Что говорит людям и Богу царь-злодей, мучимый совестью?
«Простите».
Простите! Слово произнесено.
Простите грехи, соблазны, обиды вольные и невольные, известные и тайные.

А потом *все земное* в судьбе династии Годунов рушится, ибо срок истек, и Господь подводит черту. Но это – уже за пределами личной судьбы самого Бориса Федоровича.

Смерть Бориса Годунова.

К. В. Лебедев. 1880. Литография. Издание В. И. Иванова.

Местонахождение неизвестно

Да что же еще надо русскому человеку, когда он сознает свою греховность, греховность глубокую, греховность страшную, греховность, которую самостоятельно преодолеть невозможно, когда он видит, что грехи его – словно пена морская, что? Прокричать, хотя бы на 59-й минуте 24-го часа своей жизни: «Я каюсь! Я нуждаюсь в прощении! Уповаю на любовь, которой сам я лишен...»

* * *

Борис Годунов в трактовке Александра Сергеевича Пушкина не только невероятно, поразительно точен с исторической точки зрения, он еще и образец грешника, кающегося в последний миг, – как евангельский разбойник на кресте, – и не теряющего последней надежды на спасение.

Это не избито, это гениально.

И это будет жить до скончания Русской цивилизации.

Боже, милостив буди всем нам, великим грешникам, суди нас, Господи, не по справедливости, но по любви Твоей!

Д.М. Володихин,

доктор исторических наук,

член Союза писателей России,

профессор исторического факультета

МГУ имени М. В. Ломоносова,

*заведующий кафедрой культурного наследия
Московского государственного института культуры*

А.С. Пушкин **Борис Годунов**

*Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича
Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и
благодарностию посвящает*
АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Кремлевские палаты **(1598 года, 20 февраля)**

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЙ И ВОРОТЫНСКИЙ.

Воротынский

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там – а там он будет нами править
По-прежнему.

Воротынский

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул все мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Шуйский

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Шуйский и Воротынский.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Воротынский

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью неожиданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:

Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

Воротынский

Не чисто, князь.

Шуйский

А что мне было делать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрасит.
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский

Да, кажется.

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский

Да, боле,
Чем Годунов.

Воротынский

Ведь в самом деле!

Шуйский

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древнюю отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Шуйский

(глядит в окно)

Он смел, вот все – а мы.... Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад —
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

Красная площадь

НАРОД.

Один

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Другой

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Третий

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решение Думы.

Народ

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш – слушайте!

Щелкалов

(с Красного крыльца)

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.

Борис Годунов.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,

Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь – да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.
Народ расходится.

Девичье поле. Новодевичий монастырь

НАРОД.

Один

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Другой

Что слышно?

Третий

Все еще

Упрямится; однако есть надежда.

Баба

(с ребенком)

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

Один

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Первый

Право, любо!

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?
Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Народ

(на коленях. Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один

(тихо)

О чем там плачут?

Другой

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба

(с ребенком)

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!

Плачь, баловень!

(Бросает его об землю. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один

Все плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?

Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу.

Что там еще?

Первый

Да кто их разберет?

Народ

Венец за ним! он царь! он согласился!

Борис наш царь! да здравствует Борис!

Кремлевские палаты

БОРИС, ПАТРИАРХ, БОЯРЕ.

Борис

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Бояре

Не изменим присяге, нами данной.

Борис

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там – сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.
(Уходит, за ним и бояре.)

Воротынский

(останавливая Шуйского).

Ты угадал.

Шуйский

А что?

Воротынский

Да здесь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйский

Нет, не помню ничего.

Воротынский

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...

Шуйский

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным

Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот – народ приветствует царя —
Отсутствие мое заметить могут —
Иду за ним.

Воротынский

Лукавый царедворец!

Ночь

Келья в Чудовом монастыре (1603 года)

**ОТЕЦ ПИМЕН,
ГРИГОРИЙ СПЯЩИЙ.**

Пимен

(пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье.

(Пишет.)

Григорий

(пробуждается)

Все тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лампадой
Старик сидит да пишет – и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече?

О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседель,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен

Проснулся, брат.

Григорий

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен

Благослови господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Григорий

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мучил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

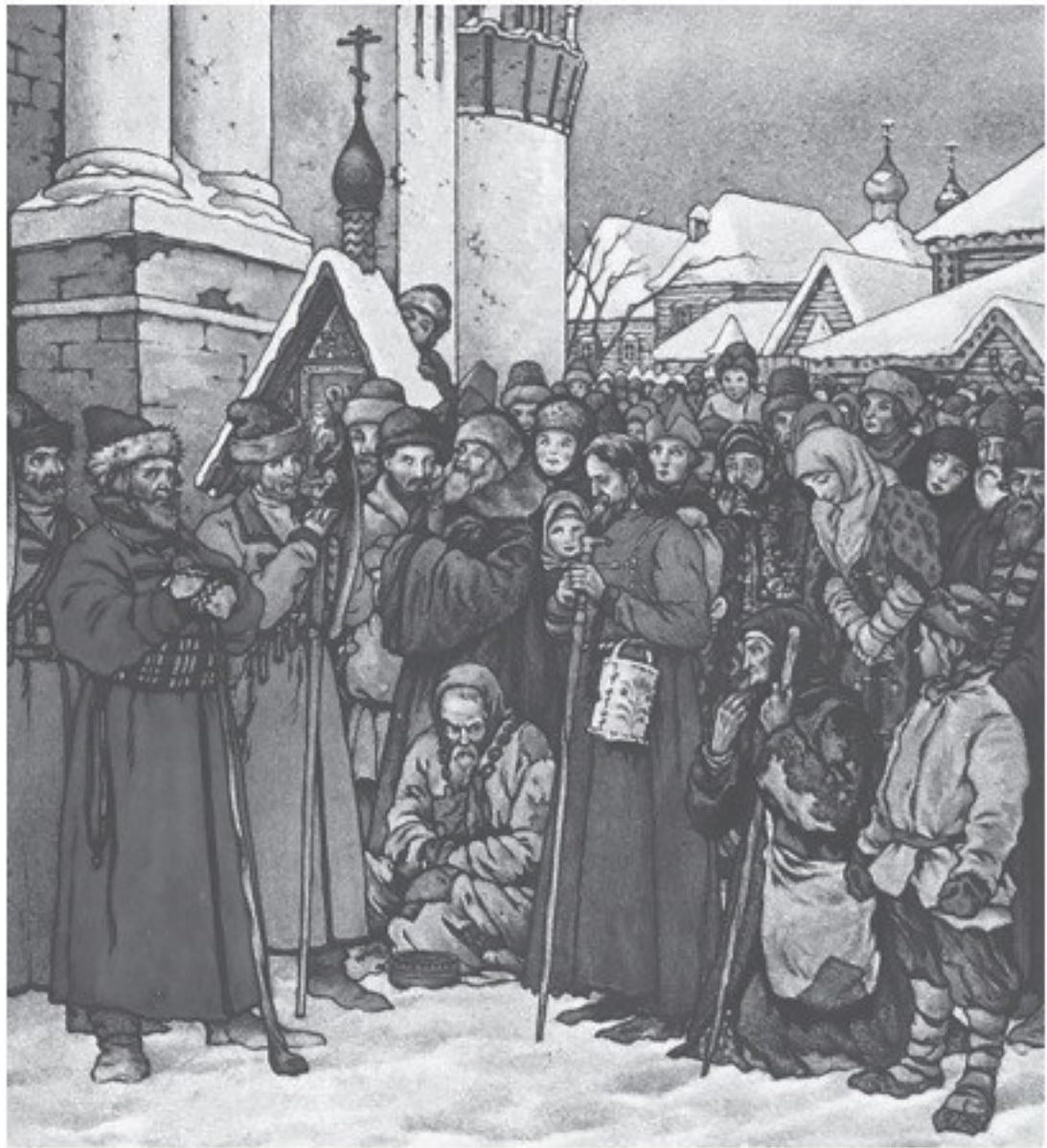
Пимен

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих, и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?

Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Перед монастырем.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,

Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь – вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все – обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася.
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.

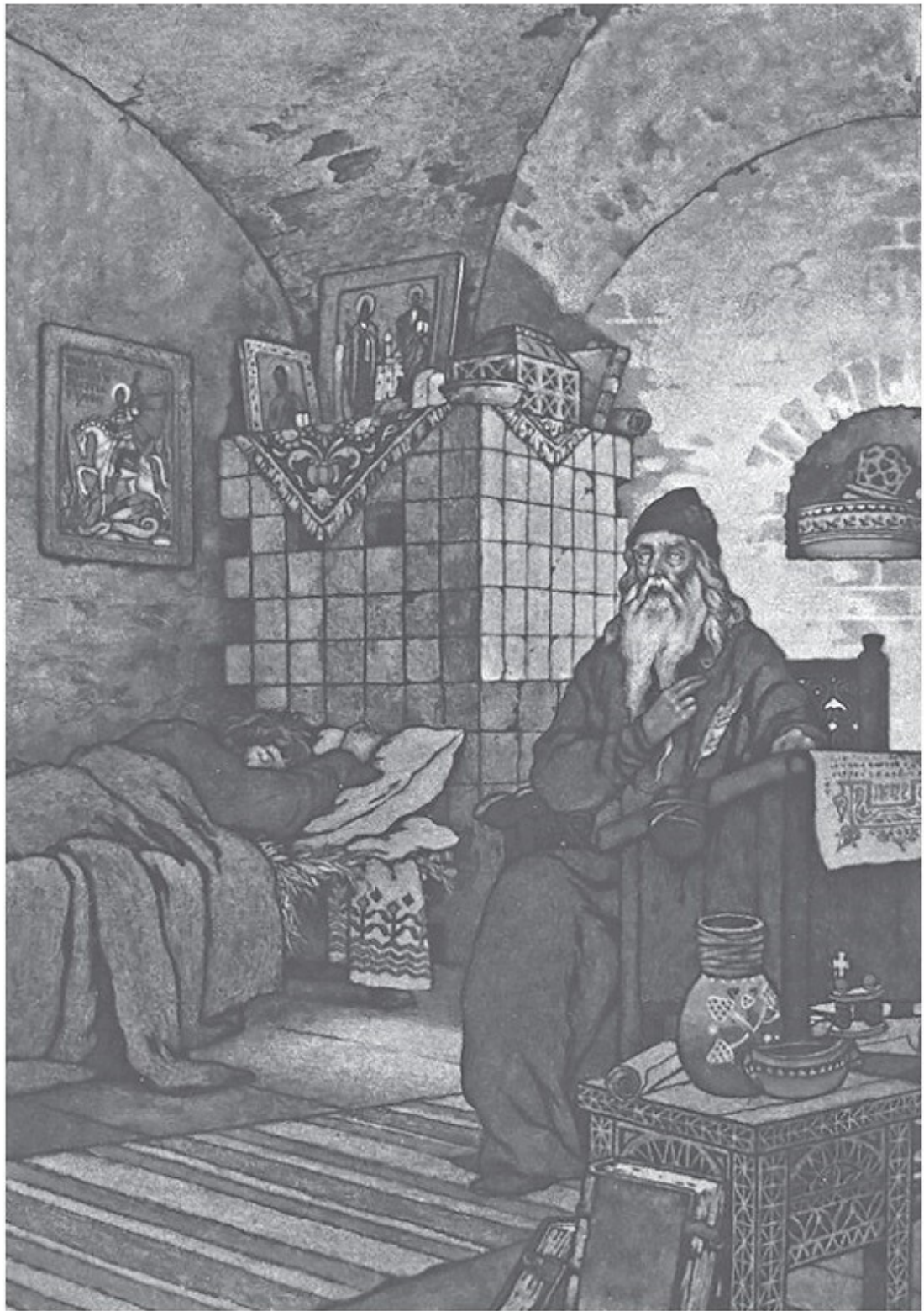
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий

Давно, честный отец,
Хотелось мне спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен

Ох, помню!
Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал —
«Покайтесь!» — народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

В Чудовом монастыре.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Григорий

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен

Да лет семи; ему бы ныне было

(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник
И царствовал; но бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.
(Уходит.)

Григорий

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

Палаты патриарха

**ПАТРИАРХ,
ИГУМЕН ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.**

Патриарх

И он убежал, отец игумен?

Игумен

Убежал, святой владыко.

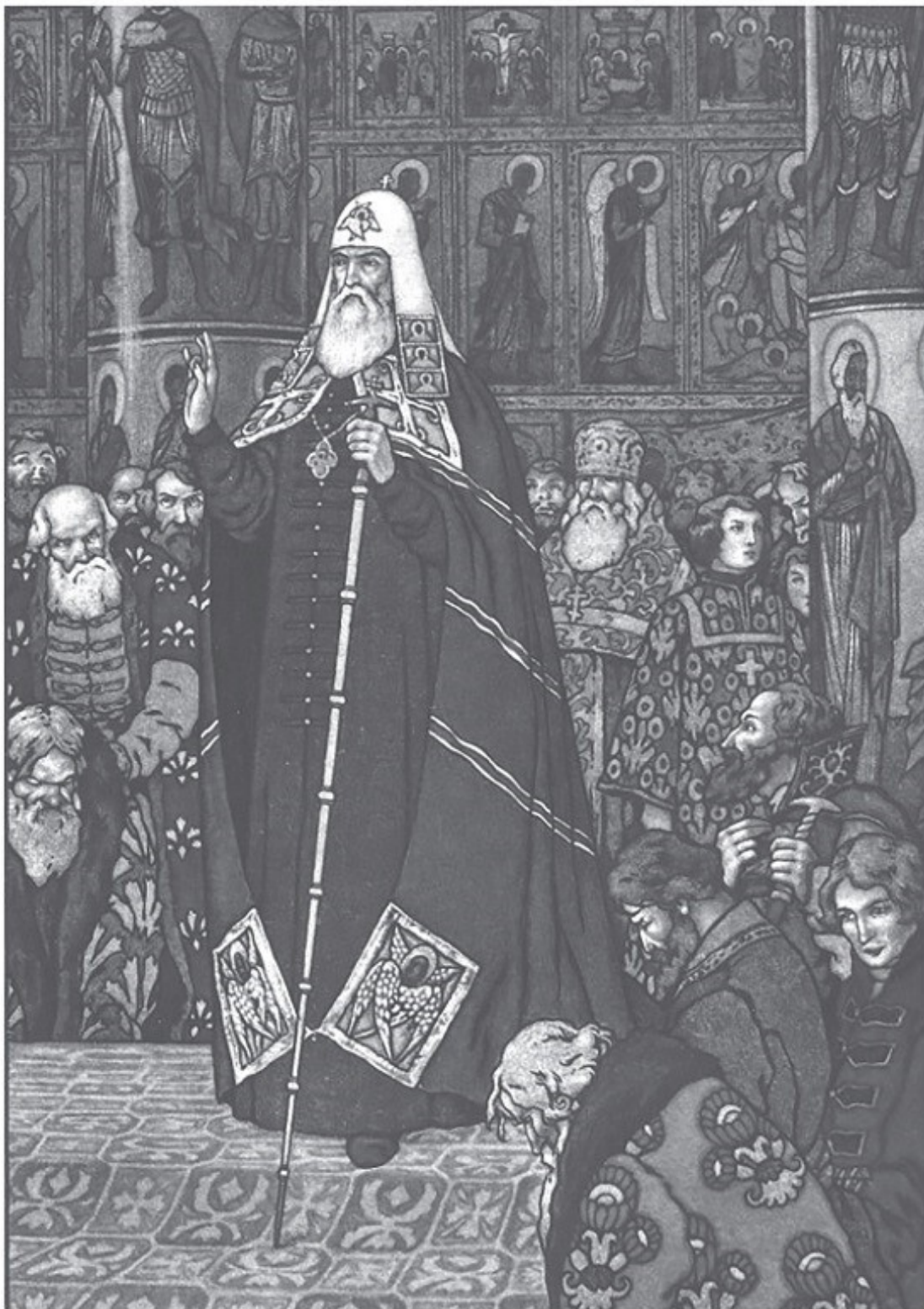
Вот уж тому третий день.

Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далася ему не от господа бога...

Патриарх.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!..*

Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святой владыко, сущая ересь.

Царские палаты

Два стольника.

Первый

Где государь?

Второй

В своей опочивальне

Он заперся с каким-то колдуном.

Первый

Так, вот его любимая беседа:

Кудесники, гадатели, колдуньи.—

Все ворожит, что красная невеста.

Желал бы знать, о чем гадает он?

Второй

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый

Как он угрюм!

Уходят.

Царь

(входит)

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе. Не так ли

Мы смолоду влюбляемся и алчем

Утех любви, но только утолим

Сердечный глад мгновенным обладаньем,

Уж, охладев, скучаем и томимся?..

Напрасно мне кудесники сулят

Дни долгие, дни власти безмятежной —

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;

Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет. Я думал свой народ

В довольствии, во славе успокоить,

Щедротами любовь его снискать —

Но отложил пустое попечение:

Живая власть для черни ненавистна,

Они любить умеют только мертвых.

Безумны мы, когда народный плеск

Иль ярый вопль тревожит сердце наше!

Бог насылал на землю нашу глад,

Народ завыл, в мученьях погибая;

Я отворил им житницы, я злато

Рассыпал им, я им сыскал работы —

Они ж меня, беснуясь, проклинали!

Пожарный огонь их дома истребил,

Я выстроил им новые жилища.

Они ж меня пожаром упрекали!

Вот черни суд: ищи ж ее любви.

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:

Борис Годунов среди подданных.

Б. Зворькин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ах! чувствую: ничто не может нас

Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здоровая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Корчма на литовской границе

**МИСАИЛ И ВАРЛААМ,
БРОДЯГИ-ЧЕРНЕЦЫ; ГРИГОРИЙ ОТРЕПЬЕВ, МИРЯНИНОМ; ХОЗЯЙКА.
Хозяйка**

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам

Чем бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

Мисаил

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добратся.

Григорий

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка

(входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:

Как во городе было во Казани...

Варлаам

(Григорию)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий

Не хочу.

Мисаил

Вольному воля...

Варлаам

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим – нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий

Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь: и я порой складно говорить умею.

Варлаам

А что мне про себя разуметь?

Мисаил

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам

Да что он за постник? Сам же к нам навязался
в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, —
да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...
(*Пьет и поет: Молодой чернец постригся.*)

Григорий

(*хозяйке*)

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка

В Литву, мой кормилец, к Луевым горам.

Григорий

А далече ли до Луевых гор?

Хозяйка

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть,
кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать
да осматривать.

Григорий

(*про себя*)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать,
не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас
с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поко-
лотим.

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка

А господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода
нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути,
как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни,
что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж
всякий мальчишка доведет до Луевых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют
прохожих, да обируют нас бедных.

Слышен шум.

Что там еще? ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им
и вина, и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

Входят приставы.

Пристав

Здорово, хозяйка!

Хозяйка

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав

(другому)

Ба! да здесь попойка идет: будет чем поживиться.

(Монахам.) Вы что за люди?

Варлаам

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим
по селениям да собираем милостыню христианскую
на монастырь.

Пристав

(Григорию)

А ты?

Мисаил

Наш товарищ...

Григорий

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

Мисаил

Так ты раздумал...

Григорий

(тихо)

Молчи.

Пристав

Хозяйка, выставь-ка еще вина – а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав

(тихо)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

Первый

Молчи, сейчас до них доберемся. – Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. – Ох плохо, знать пришли наши последние времена...

Хозяйка

(плачет)

Господь помилуй и спаси!

В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.

Первый пристав

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Подай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

Мисаил

Не слышал.

Пристав

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав

(Варлааму)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав

(Мисаилу)

А ты?

Мисаил

Не умудрил господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник – ты.

Мисаил

Я! помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий

(выступает вперед)

Я грамотный.

Пристав

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий

У нашего пономаря.

Пристав

(дает ему указ)

Читай же вслух.

Григорий

(читает)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблаз-

нами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...»

Пристав

(Мисаилу)

Как же не ты?

Григорий

«И царь повелел изловить его...»

Пристав

И повесить.

Григорий

Тут не сказано *повесить*.

Пристав

Врешь: не всяко слово в строку пишется.

Читай: изловить и повесить.

Григорий

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду... *(смотря на Варлаама)* за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

Все глядят на Варлаама.

Первый пристав

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его!

Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам

(вырывая бумагу)

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? – как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. *(Читает по складам.)* «А лет е-му от-ро-ду... 20». – Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав

(Григорию)

Да ты, брат, видно, забавник.

Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.

Варлаам

(продолжает)

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.

Приставы

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

Москва. Дом Шуйского

ШУЙСКИЙ, МНОЖЕСТВО ГОСТЕЙ. УЖИН.

Шуйский

Вина еще.

Встает, за ним и все.

Ну, гости дорогие,

Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Мальчик

Царю небес, везде и присно сущий,

Своих рабов молению внемли:

Помолимся о нашем государе,

Об избранном тобой, благочестивом

Всех христиан царе самодержавном.

Храни его в палатах, в поле ратном,

И на путях, и на одре ночлега.

Подай ему победу на враги,

Да славится он от моря до моря.

Да здравием цветет его семья,

Да осенят ее драгие ветви

Весь мир земной – а к нам, своим рабам,

Да будет он, как прежде, благодатен,

И милостив и долготерпелив,

Да мудрости его неистощимой

Проистекут источники на нас;

И царскую на то воздвигнув чашу,

Мы молимся тебе, царю небес.

Шуйский

(пьет)

Да здравствует великий государь!

Простите же вы, гости дорогие;

Благодарю, что вы моей хлеб-солью

Не презрели. Простите, добрый сон.

Гости уходят, он провожает их до дверей.

Пушкин

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и пере-
говорить.

Шуйский

(слугам)

Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать. Сбирайте со стола да ступайте
вон. Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин

Чудеса да и только.

Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне

Из Кракова гонца прислал сегодня.

Шуйский

Ну.

Пушкин

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает.)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Шуйский

Да это уж не ново.

Пушкин

Погоди:

Димитрий жив.

Шуйский

Вот-на! какая весть!

Царевич жив! ну подлинно чудесно.

И только-то?

Пушкин

Послушай до конца.

Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Шуйский

Не может быть.

Пушкин

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Шуйский

Кто ж он такой? откуда он?

Пушкин

Не знают.

Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Шуйский

Что ж говорят об этом удалце?

Пушкин

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помощи обещал.

Шуйский

Все это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольно.
Сомненья нет, что это самозванец,

Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой

Пушкин

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнание.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Все языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! – Не то, в Приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Шуйский

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

Пушкин

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво

Сегодня так язык мне развязали...

Прощай же, князь.

Шуйский

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина.)

Царские палаты

**ЦАРЕВИЧ,
ЧЕРТИТ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТУ.
ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.**

Ксения

(целует портрет)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

Входит Борис.

Царь

Что, Ксения? что, милая моя?

В невестах уж печальная вдовица!

Все плачешь ты о мертвом женихе.

Дитя мое! судьба мне не судила

Виновником быть вашего блаженства.

Я, может быть, прогневал небеса,

Я счастье твое не мог устроить.

Безвинная, зачем же ты страдаешь? —

А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор

Чертеж земли московской; наше царство

Из края в край. Вот видишь: тут Москва,

Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,

Вот пермские дремучие леса,

А вот Сибирь.

Царь

А это что такое

Узором здесь виется?

Феодор

Это Волга.

Царь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!

Как с облаков ты можешь обозреть

Все царство вдруг: границы, грады, реки.

Учись, мой сын: наука сокращает

Нам опыты быстротекущей жизни —

Когда-нибудь, и скоро, может быть,

Все области, которые ты ныне

Изобразил так хитро на бумаге,

Все под руку достанутся твою.

Учись, мой сын, и легче и яснее

Державный труд ты будешь постигать.
Входит Семен Годунов.
Вот Годунов идет ко мне с докладом.

В царских палатах.
Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции
(Ксени)

Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя господь.
Ксения с мамкою уходит.

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Семен Годунов

Нынче

Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь

Ну.

Семен Годунов

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец – и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Царь

Гонца схватить.

Семен Годунов

Уж послано в догоню.

Царь

О Шуйском что?

Семен Годунов

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина – да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Царь

Сейчас послать за Шуйским.

Семен Годунов

Государь,

Он здесь уже.

Царь

Позвать его сюда.

Годунов уходит.

Царь

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...
Входит Шуйский.

Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется – ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Царь

Я слушаю тебя.

Шуйский

(тихо, указывая на Феодора)

Но, государь...

Царь

Царевич может знать,

Что ведает князь Шуйский. Говори.

Шуйский

Царь, из Литвы пришла нам весть...

Царь

Не та ли,

Что Пушкину привез вчор гонец.

Шуйский

Все знает он! – Я думал, государь,

Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Царь

Нет нужды, князь: хочу сообразить

Известия; иначе не узнаем

Мы истины.

Шуйский

Я знаю только то,

Что в Кракове явился самозванец

И что король и паны за него.

Царь

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Шуйский

Не ведаю.

Царь

Но... чем опасен он?

Шуйский

Конечно, царь: сильна твоя держава,

Ты милостью, раденьем и щедротой

Усыновил сердца своих рабов.

Но знаешь сам: бессмысленная чернь

Изменчива, мятежна, суеверна,

Легко пустой надежде предана,

Мгновенному внушению послушна,

Для истины глуха и равнодушна,

А баснями питается она.

Ей нравится бесстыдная отвага.

Так если сей неведомый бродяга

Литовскую границу перейдет,

К нему толпу безумцев привлечет

Димитрия воскреснувшее имя.

Царь

Димитрия!.. как? этого младенца!

Димитрия!.. Царевич, удались.

Шуйский

Он покраснел: быть буре!..

Феодор

Государь,

Дозволишь ли...

Царь

Нельзя, мой сын, поди.

Феодор уходит.

Димитрия!..

Шуйский

Он ничего не знал.

Царь

Послушай, князь: взять меры сей же час;

Чтоб от Литвы Россия оградилась

Заставами; чтоб ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтоб заяц

Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон

Не прилетел из Кракова. Ступай.

Шуйский

Иду.

Царь

Постой. Не правда ль, эта весть

Затейлива? Слыхал ли ты когда,

Чтоб мертвые из гроба выходили

Допрашивать царей, царей законных,

Назначенных, избранных всенародно,

Увенчанных великим патриархом?

Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Шуйский

Я, государь?..

Царь

Послушай, князь Василий:

Как я узнал, что отрока сего...

Что отрок сей лишился как-то жизни,

Ты послан был на следствие; теперь

Тебя крестом и богом заклинаю,

По совести мне правду объяви:

Узнал ли ты убитого младенца

И не было ль подмена? Отвечай.

Шуйский

Клянусь тебе...

Царь

Нет, Шуйский, не клянись,

Но отвечай: то был царевич?

Шуйский

Он.

Царь

Подумай, князь. Я милость обещаю,

Прошедшей лжи опалою напрасной

Не накажу. Но если ты теперь

Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь – тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Шуйский

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Царь

(спокойно)

Довольно; удались.

Шуйский уходит.

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась – и тяжело опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Все снилось убитое дитя!
Да, да – вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй – и нет его.
Так решено: не окажу я страха, —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

Краков. Дом Вишневецкого

САМОЗВАНЕЦ И РАТЕР ЧЕРНИКОВСКИЙ

Самозванец

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Pater

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

Самозванец

Аминь. Кто там?

Входит слуга.

Сказать: мы принимаем.

Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой. —
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны. —
Но между вас я вижу новы лица.

Гаврила Пушкин

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Самозванец

Рад вам, дети.

Ко мне, друзья. — Но кто, скажи мне, Пушкин,

Красавец сей?

Пушкин

Князь Курбский.

Самозванец

Имя громко!

(Курбскому)

Ты родственник казанскому герою?

Курбский

Я сын его.

Самозванец

Он жив еще?

Курбский

Нет, умер.

Самозванец

Великий ум! муж битвы и совета!

Но с той поры, когда являлся он,

Своих обид ожесточенный мститель,

С литовцами под ветхий город Ольгин,

Молва об нем умолкла.

Курбский

Мой отец

В Вольнии провел остаток жизни,

В поместьях, дарованных ему

Баторием. Уединен и тих,

В науках он искал себе отрады;

Но мирный труд его не утешал:

Он юности своей отчизну помнил,

И до конца по ней он тосковал.

Самозванец

Несчастный вождь! как ярко просиял

Восход его шумящей, бурной жизни.

Я радуюсь, великородный витязь,

Что кровь его с отечеством мирится.

Вины отцов не должно вспоминать;

Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!

– Не странно ли? сын Курбского ведет

На трон, кого? да – сына Иоанна...

Все за меня: и люди и судьба. —

Ты кто такой?

Поляк

Собаньский, шляхтич вольный.

Самозванец

Хвала и честь тебе, свободы чадо!

Вперед ему треть жалованья выдать. —

Но эти кто? я узнаю на них

Земли родной одежду. Это наши.

Хрущов

(бьет челом)

Так, государь, отец наш. Мы твои

Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь – и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

Самозванец

Мужайтесь, безвинные страдалцы —
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

Карела

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Самозванец

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казацки бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Поэт

(приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу)
Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец

Что хочешь ты?

Поэт

(подает ему бумагу)
Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

Самозванец

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится

Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam¹.
Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

Все

В поход, в поход! Да здоровствует Димитрий,
Да здоровствует великий князь московский!

¹ Муза венчает славу, а слава – музу (*лат.*).

Замок воеводы Мнишка в Самборе

РЯД ОСВЕЩЕННЫХ КОМНАТ. МУЗЫКА. ВИШНЕВЕЦКИЙ, МНИШЕК

Мнишек

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну – думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московский?

Мнишек

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. и вот
Все кончено. Уж он в ее сетях.
*Музыка играет польский. Самозванец идет с Мариною
в первой паре.*

Марина

(тихо Димитрию)
Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.
Расходятся. Другая пара.

Кавалер

Что в ней нашел Димитрий?

Дама

Как! она
Красавица.

Кавалер

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...
Новая пара.

Дама

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.
Новая пара.

Дама

Когда ж поход?

Кавалер

Когда велит царевич,
Готовы мы; но, видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Дама

Приятный плен.

Кавалер

Конечно, если вы...
Расходятся. Комнаты пустеют.

*Марина Мнишек.
Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции*

Мнишек
Мы, старики, уж нынче не танцуем,

Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей – не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: все как-то приуныло.
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.
Вишневецкий
И дело, друг, пойдем.

Ночь. Сад. Фонтан

САМОЗВАНЕЦ

И МАРИНА МНИШЕК.

Самозванец

(входит)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались – я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет – это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, —
Но час настал – и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Марина

(входит)

Царевич!

Самозванец

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Марина

Димитрий! Вы?

Самозванец

Волшебный, сладкий голос!

(Идет к ней.)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась

С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

Самозванец

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать все то, чем сердце полно.

Марина

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

Самозванец

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Марина

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,

Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванец

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь —
Как! ежели... о страшное сомненье! —
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, —
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Марина

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

Самозванец

Нет! полно:
Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт — и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

Марина

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)

Самозванец

(тихо)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? —
(Вслух.)

Вижу, вижу:

Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,

Реши: я жду
(бросается на колени)

Марина

Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты коленопреклонением,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умирить?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

Самозванец

(встает)
Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

Марина

Достойные позорной петли, дерзкий!

Самозванец

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманивал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина

Чем хвалится, безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким

Из верного усердия слуги.

Самозванец

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признание.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Марина

Клянешься ты! итак, должна я верить —
О, верю я! – но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Лжедмитрий и Марина Мнишек.

Б. Зворькин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Димитрий

(гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,

Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. —
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но – может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

Марина

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? – Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Марина

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но – слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву —
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.
(Уходит.)

Самозванец

Нет – легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,

Чем с женщиной – черт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! – Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

Граница литовская (1604 года, 16 октября)

**КНЯЗЬ КУРБСКИЙ И САМОЗВАНЕЦ,
ОБА ВЕРХАМИ.
ПОЛКИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ГРАНИЦЕ.**

Курбский

(прискакав первый)

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхую
С моих одежд – пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости!
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надежу-государя!..

Самозванец

(едет тихо с поникшей головой)

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнание,

На литовской границе.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна

Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!

Курбский

Вперед! и горе Годунову!
Скачут. Полки переходят через границу.

Царская Дума

ЦАРЬ, ПАТРИАРХ И БОЯРЕ.

Царь

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! – Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Басманов

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Царь

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помощь;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.
Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они – таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шепот,
Умы кипят... их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святой отец, свою поведай мысль.

Патриарх

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь – да прбйдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.
Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.
Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать – и сам
Он наготой своею посрамится.
Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет —
В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу, —
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В молодых летах, – сказал он, – я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз,
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: – Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив – и я тебя прошу.
– Но кто же ты? – спросил я детский голос.
– Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик. – Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле бог
Мне позднее дарует исцеленье.

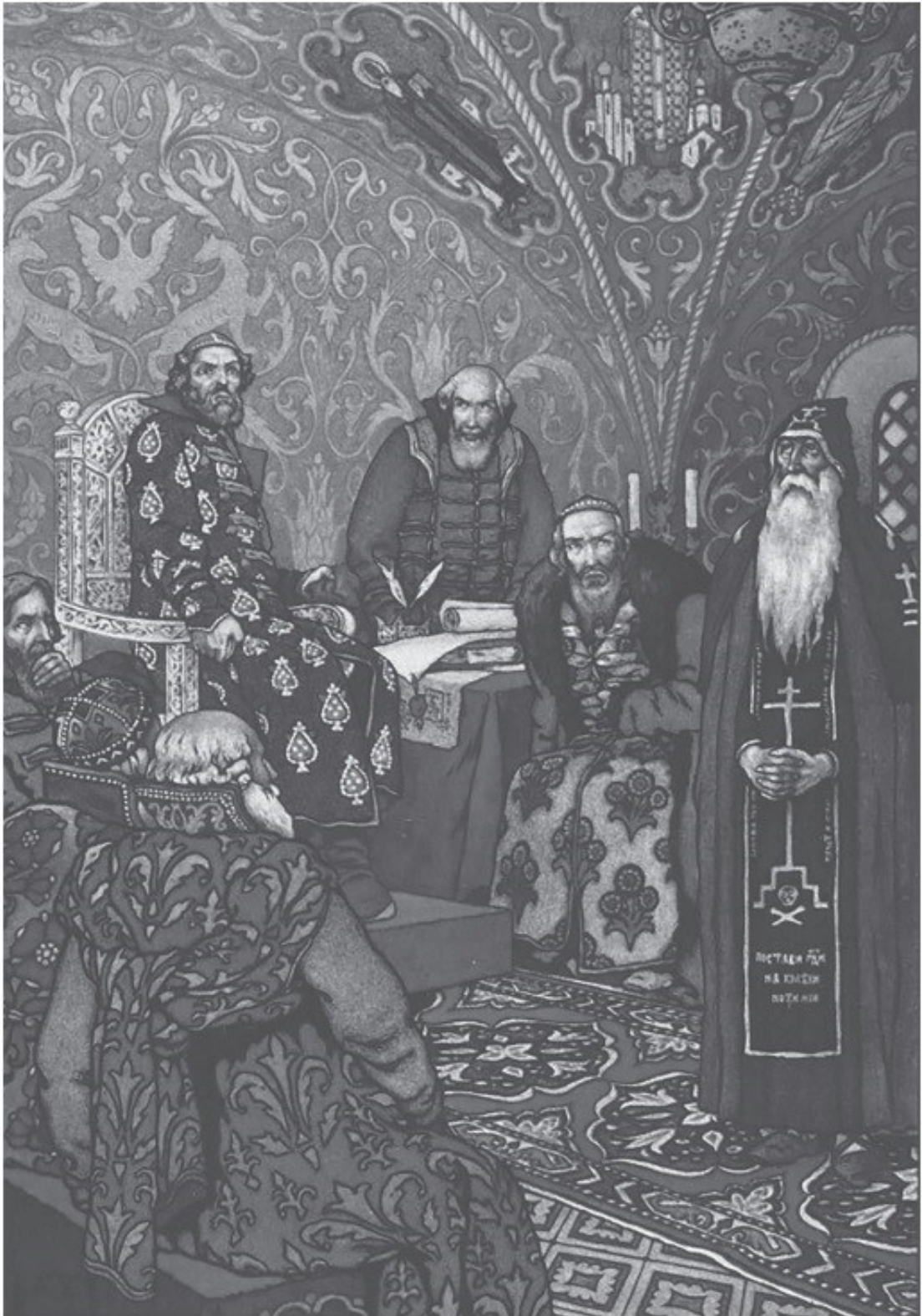
Пойду – и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню
И, разгораясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: – Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. – И мальчик
Повел меня – и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку».
Вот, государь, что мне поведал старец.

Общее смущение.

В продолжение сей речи Борис несколько раз оттирает лицо платком.

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдалыцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

Молчание.

Боярская Дума.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Князь Шуйский

Святый отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства

Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства – проще.
Так, государь – когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.
Уходит. За ним и все бояре.

Один боярин

(тихо другому)

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Другой

Я – признаюсь – не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

Первый боярин

А выручил князь Шуйский. Молодец!

Равнина близ Новгорода-Северского (1604 Года, 21 декабря)

БИТВА.

Воины

(бегут в беспорядке)

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.

Маржерет

Куда, куда? Allons...² пошоль назад!

Один из беглецов

Сам *пошоль*, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет

Quoi? quoi?³

Другой

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать

на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?.. Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp⁴.

В. Розен

Es ist Schande⁵.

Маржерет

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas – puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?⁶

В. Розен

Sie haben Recht⁷.

Маржерет

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?⁸

В. Розен

Oh, ja!⁹

Маржерет

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie¹⁰.

В. Розен

² Ну... *(франц.)*.

³ Что? что? *(франц.)*.

⁴ Что значит *православные*?.. Рвань оканная, проклятая сволочь! Черт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать *(франц.)*.

⁵ Позор *(нем.)*.

⁶ Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг-раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? *(франц.)*.

⁷ Вы правы *(нем.)*.

⁸ Черт, дело становится жарким! Этот дьявол – Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? *(франц.)*.

⁹ О, да! *(нем.)*.

¹⁰ Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, ударил молодец Басманов *(франц.)*.

Ich glaube das¹¹.

Входят немцы.

Маржерет

Ha, ha! voici nos Allemands. – Messieurs!.. Mein herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!¹²

В. Розен

Sehr gut. Halt!¹³

Немцы строятся.

Marsch!¹⁴

Немцы

(идут)

Hilf Gott!¹⁵

Сражение. Русские снова бегут.

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий

(верхом)

Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

¹¹ Я так полагаю (нем.).

¹² А вот и наши немцы! – Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться и, черт возьми, пойдем в атаку! (франц.).

¹³ Очень хорошо. Становись! (нем.).

¹⁴ Марш! (нем.).

¹⁵ С нами бог! (нем.).

Площадь перед собором в Москве

НАРОД.

Один

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый

Что? уж проклинали *того*?

Другой

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка Отрепьев – анафема!

Первый

Пушай себе проклиняют; царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый

Вечную память живому! Вот уж им будет, безбожникам.

Третий

Чу! шум. Не царь ли?

Четвертый

Нет; это юродивый.

*Входит юродивый в железной шапке,
обвешанный веригами, окруженный мальчишками.*

Мальчишки

Николка, Николка – железный колпак!.. тр р р р...

Старуха

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. – Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый

(садится на землю и поет)

Месяц светит,

Котенок плачет,

Юродивый, вставай,

Богу помолися!

Мальчишки окружают его снова.

Один из них

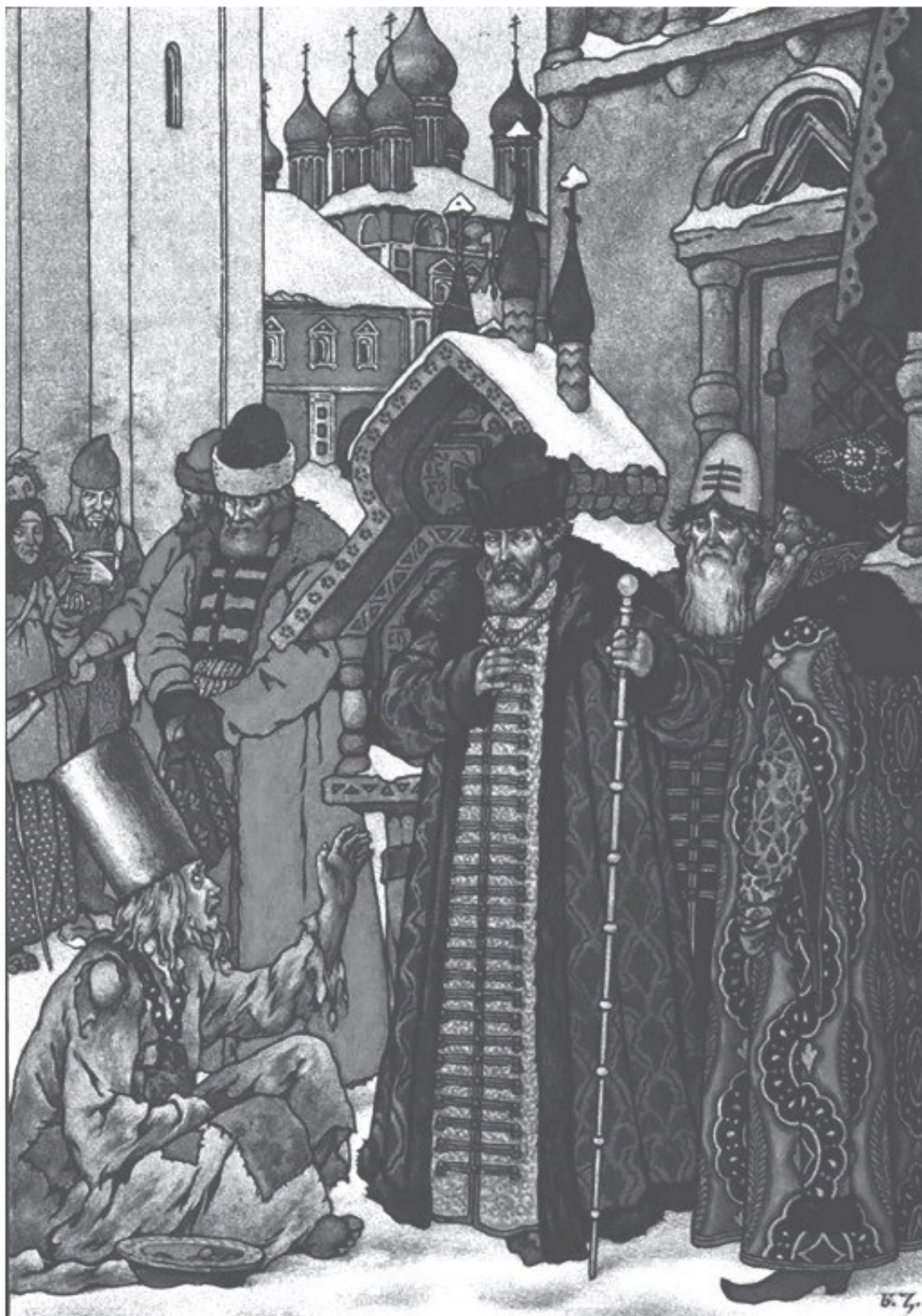
Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь?

(Щелкает его по железной шапке.)

Эк она звонит!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Борис Годунов и Юродивый.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Мальчишка

Неправда! ну покажи.

(Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый

(плачет)

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ

Царь, царь идет.

Царь выходит из собора.

Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Бояре

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Юродивый

(ему вслед)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – богородица не велит.

Севск

САМОЗВАНЕЦ, ОКРУЖЕННЫЙ СВОИМИ.

Самозванец

Где пленный?

Лях

Здесь.

Самозванец

Позвать его ко мне.

Входит русский пленник.

Кто ты?

Пленник

Рожнов, московский дворянин.

Самозванец

Давно ли ты на службе?

Пленник

С месяц будет.

Самозванец

Не совестно, Рожнов, что на меня

Ты поднял меч?

Пленник

Как быть, не наша воля.

Самозванец

Сражался ты под Северским?

Пленник

Я прибыл

Недели две по битве – из Москвы.

Самозванец

Что Годунов?

Пленник

Он очень был встревожен

Потерею сражения и раной

Мстиславского, и Шуйского послал

Начальствовать над войском.

Самозванец

А зачем

Он отозвал Басманова в Москву?

Пленник

Царь наградил его заслуги честью

И золотом. Басманов в царской Думе

Теперь сидит.

Самозванец

Он в войске был нужнее.

Ну что в Москве?

Пленник

Все, слава богу, тихо.

Самозванец

Что? ждут меня?

Пленник

Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову – такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, – глядь – лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

Самозванец

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

Пленник

Что с ним? одето, сыто,
Довольно всем.

Самозванец

Да много ли его?

Пленник

Бог ведает.

Самозванец

А будет тысяч тридцать?

Пленник

Да наберешь и тысяч пятьдесят.
Самозванец задумывается.
Окружающие смотрят друг на друга.

Самозванец

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

Пленник

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

Самозванец

(смеясь)

Так это я на деле
Им докажу: друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.
(Уходит.)

Все

Да здравствует Димитрий!

Лях

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Другой

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

Пленник

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Лях

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя

(указывая на свою саблю)

вот этим бы смирил.

Пленник

Наш брат русак без сабли обойдется:

Не хочешь ли вот этого,

(показывая кулак)

безмозглый!

Лях гордо смотрит на него и молча отходит.

Все смеются.

Лес

ЛЖЕДИМИТРИЙ. ПУШКИН.
В ОТДАЛЕНИИ ЛЕЖИТ КОНЬ ИЗДЫХАЮЩИЙ.

Лжедмитрий

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сражение
И, раненый, как быстро нес меня.
Мой бедный конь!

Пушкин

(про себя)

Ну вот о чем жалеет!
Об лошади! когда все наше войско
Побито в прах!

Самозванец

Послушай, может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

Пушкин

Куда! он издыхает.

Самозванец

(идет к своему коню)

Мой бедный конь!.. что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издахнет он.

(Разуздывает и расседлывает коня.)

Входят несколько ляхов.

Здорово, господа!

Что ж Курбского не вижу между вами?

Я видел, как сегодня в гущу боя

Он врезался; тьмы сабель молодца,

Что зыбкие колосья, облепили;

Но меч его всех выше подымался,

А грозный клик все клики заглушал.

Где ж витязь мой?

Лях

Он лег на поле смерти.

Самозванец

Честь храброму и мир его душе!

Как мало нас от битвы уцелело.

Изменники! злодеи-запорожцы,

Проклятые! вы, вы сгубили нас —

Не выдержать и трех минут отпора!

Я их ужо! десятого повешу,

Разбойники!

Пушкин

Кто там ни виноват,

Но все-таки мы начисто разбиты,

Истреблены.

Самозванец

А дело было наше;

Я было смял передовую рать —

Да немцы нас порядком отразили;

А молодцы! ей-богу, молодцы,

Люблю за то — из них уж непременно

Составлю я почетную дружину.

Пушкин

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?

Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске.

Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

Пушкин

Приятный сон, царевич!

Разбитый в прах, спасаяся побегом,

Беспечен он, как глупое дитя;

Хранит его, конечно, провиденье;

И мы, друзья, не станем унывать.

Москва. Царские палаты

БОРИС, БАСМАНОВ.

Царь

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басманов

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда Разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

Царь

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Басманов

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятению тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Царь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Входит боярин.

Что?

Боярин

Привели гостей иноплеменных.

Царь

Иду принять; Басманов, погоди.
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Басманов

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?
Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся.

Один

За лекарем!

Другой

Скорее к патриарху.

Третий

Царевича, царевича зовет!

Четвертый

Духовника!

Басманов

Что сделалось такое?

Пятый

Царь занемог.

Шестой

Царь умирает.

Басманов

Боже!

Пятый

На троне он сидел и вдруг упал —

Кровь хлынула из уст и из ушей.

Царя выносят на стуле;

все царское семейство, все бояре.

Царь

Подите все — оставьте одного

Царевича со мною.

Все удаляются.

Умираю;

Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас

Ты царствовать начнешь... о боже, боже!

Сейчас явлюсь перед тобой — и душу

Мне некогда очистить покаяньем.

Но чувствую — мой сын, ты мне дороже

Душевного спасенья... так и быть!

Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь.
Я, я за все один отвечу богу...
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно —
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...
Я, с давних лет в правленье искушенный,
Мог удержать смятение и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, молодой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вожь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:

Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь навсегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Феодор

(на коленях)

Нет, нет – живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Царь

Все кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...
Входит патриарх, святители, за ними все бояре.
Царицу ведут под руки, царица рыдает.

Кто там?

А! схима... так! святое пострижение...

Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей...

Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен...
Клянетесь ли?

Бояре

Клянемся.

Царь

Я доволен.

Простите ж мне соблазны и грехи

И вольные и тайные обиды...

Святой отец, приблизься, я готов.

Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят.

Ставка

БАСМАНОВ ВВОДИТ ПУШКИНА.

Басманов

Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

Пушкин

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Басманов

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр – я присягал ему.

Пушкин

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Басманов

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Пушкин

Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберешь —
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.

Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Басманов, поздно спорить
И раздуть холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Басманов

Узнаете вы завтра.

Пушкин

Решишь.

Басманов

Прощай.

Пушкин

Подумай же, Басманов.

(Уходит.)

Басманов

Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там?

(Свищет.)

Коня! Трубите сбор.

Лобное место

ПУШКИН ИДЕТ, ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМ.

Народ

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Пушкин

(на амвоне)

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
(Кланяется.)
Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж порашил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Народ

Вестимо нет.

Пушкин и народ.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Пушкин

Московские граждане!

Мир ведает, сколь много вы терпели

Под властью жестокого пришельца:

Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад – все испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов – и весь честной народ.
Вы ль станете упрямыться безумно
И милостей кичливо убежать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов – в сопровожденье грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.
(Сходит.)

Шум народный.

Народ

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец!

Мужик на амвоне

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ

(несется толпою)

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца

ФЕОДОР ПОД ОКНОМ.

Нищий

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража

Поди прочь, не ведено говорить с заключенными.

Феодор

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

Ксения под покрывалом подходит также к окну.

Один из народа

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой

Яблоко от яблони недалеко падает.

Узники.

Б. Зворыкин. Париж, 1927. Национальная библиотека Франции

Ксения

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

Ксения

Ах, братец, сердце замирает.

Голицын, Мосальский, Молчанов и Шереметевы.

За ними трое стрельцов.

Народ

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

Они входят в дом.

Один из народа

Зачем они пришли?

Другой

А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.

Третий

В самом деле? – слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...

Народ

Слышишь? визг! – это женский голос – взойдем! – Двери заперты – крики замолкли.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

Конец

Приложения

Иоганн Брамбах

Отчет о поездке Ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 году

*(Сборник материалов по русской
истории начала XVII века,
перевод И.М. Болдакова)*

ЯНВАРЬ

13 января выехали, благословясь, из императорского и Священной Римской империи вольного города Любека, славных ганзейских городов делегаты всечестнейшие, высокоумные, досточтимые и ученейшие господа Конрад Гармерс, бургомистр, Генрих Керкринк, советник, магистр Иоганн Брамбах, секретарь, а из города Штральзунда господа Николай Диннисс и Иоганн Штейленберг.

Проехав 5 миль, переночевали в Гrefесмюлене.

14 числа прибыли в отстоящий в 3 милях Висмар, где и провели ночь. Здесь Городской совет почтил послов поднесением 10 штофов рейнвейна¹⁶.

15 ночевали в Крепелине, в 4 милях.

16, через 3 мили, в Ростоке обедали и получили 4 штофа вина; оттуда, еще до сумерек, доехали до Тессина, в 3 милях, где и переночевали.

17 в Деммине, в Померании¹⁷, в 5 милях, остались на ночлег.

18 в Анкламе, в 5 милях, также имели ночлег; Городской совет и здесь почтил послов поднесением 6 штофов вина. Далее поехали уже с присоединившимися в этом месте уполномоченными от Штральзунда.

¹⁶ Рейнвейн, рейнское, ренское – вино с Рейна; виноградное вино вообще (в противоположность хлебному, горячему) или белое виноградное вино (в противоположность красному).

¹⁷ Герцогство (с 1170 г.) на побережье Балтийского моря; главный город – Штетин (совр. Щецин).

Панорама города Любек.

Маттеус Мериан. XVII в. Местонахождение неизвестно

19 проехали Штеттинскую равнину до Уккermюнде, в 3 милях, откуда, сперва пообедав, двинулись дальше по той же Штеттинской равнине до Мютцельбурга (3 мили), где и ночевали.

20 доехали до старинного города Штеттина, в 4 милях, где по случаю большого снега оставались с 21 по 23 число. Здесь любекские делегаты, отдельно от других, не только с почетом были приняты двумя представителями городской ратуши, но и удостоены поднесения 1 ома¹⁸ вина, 4 штофов горячительных напитков, 2 диких коз, 2 чанов рыбы и, наконец, 18 шеффелей¹⁹ овса.

23 подвинулись до Гольнова, в 5 милях, где была ночевка.

24 обедали в Гросс-Сабове (3 1/2 мили), а в Плата (2 1/2 мили) переночевали.

25 в день ап. Павла в Дамице (3 1/2 мили) обедали. Того же числа в городке Керлине (3 мили) переночевали; здесь пришлось заплатить за фунт масла целый ортсталер²⁰, а за блюдо тухлой трески полталера.

26 обедали в городке Кёсслине (3 мили) и того же числа, переехав через гору Голленберг, ночь провели в местечке Цанове (1 миля). Здесь до нас дошли дурные вести, а именно от царского переводчика Рейнгольда Дрейера мы узнали, что брат датского короля, герцог голштинский Иоганн, прошлым летом уехавший в Москву, чтобы жениться на Ксении, дочери царя Бориса, там скончался в день Симона Иуды.

¹⁸ Издатели 1896 г. определяют 1 ом («в Данциге и Риге») равным 110 штофам.

¹⁹ Шеффель как мера сыпучих тел определяется издателями 1896 г. равным 2,09 четверика. Считая четверик в 26,24 л, получим: 1 шеф. – 54,84 л.

²⁰ Орсталер, орт – монета в 1/4 талера (в Любеке, в Померании). Талер в Любеке равнялся 12 шиллингам по 12 пфеннигов каждый. Талер – монета, чеканившаяся с 1484 г. на тирольском монетном дворе. Сначала называлась гульденгрошен. С 1518 г. в Иоахимстале (Чехия) стали чеканить чешские гульденгрошени. С середины 1520-х гг. за этими монетами закрепилось название «иоахимсталер», позже просто талер. Под этим названием они были заимствованы многими языками, став самой распространенной монетой в истории монетного дела. В 1556 г. по решению рейхстага в Аугсбурге талер получил название рейхсталер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.